

подъ шлема волосъ, повергавшаго въ мечтательное состояніе, срывавашаго невольную улыбку и сообщавшаго ей какую-то таинственную прелесть, сверкали огромные и тоже черные глаза. Носъ былъ слишкомъ тонокъ, ротъ слишкомъ великъ, но очарователенъ и созданъ для того, чтобы говорить и побуждать.

Но главной ея прелестью былъ голосъ. Онъ вылеталъ изъ ея груди, какъ вода изъ фонтана, естественно, легко, благозвучно, звонко, такъ что слушать его доставляло физическое наслажденіе. Сладокъ былъ для ушей звукъ ея серебристыхъ словъ, напоминавшихъ журчаніе ручейка, а глазамъ пріятно было глядѣть, какъ разверзались ея алмазныя губы, пропуская слова.

Она протянула руку Сервиньи, который ее поцѣловалъ, и подала другую, выронивъ изъ нея вѣрвь на золотой цѣпочкѣ, Савалю, говоря:

— Милости просимъ, баронъ. Друзья герцога здѣсь какъ у себя дома,—и впилась сверкающимъ взглядомъ въ представленнаго ей колосса. Верхняя губа у ней была покрыта легкимъ чернымъ пушкомъ, который казался темнѣе, когда она говорила. Отъ нея пахло сильными, одурманивающими духами, добытыми, вѣроятно, изъ Америки или изъ Индіи.

Другія лица входили, все маркизы, графы и князья.

Она сказала Сервиньи съ материнскою ласковостью:

— Дочь моя въ слѣдующей гостиной. Веселитесь, господа, будьте, какъ дома.

И оставила ихъ, чтобы идти здороваться съ другими гостями, бросивъ на Савалю улыбающійся изъ-подъ рѣсницъ взглядъ, которымъ женщины дають знать, что мужчина имъ нравится.

Сервиньи взялъ своего пріятеля подъ руку.

— Я буду твоимъ кормчимъ. Здѣсь, въ этой гостиной, всѣ женщины не что иное, какъ живой товаръ, болѣе или менѣе свѣжій, случайнаго привоза, по очень дорогой цѣнѣ и отпускаемый на срокъ. Налѣво играютъ въ карты. Тамъ—храмъ мамона. Тебѣ это знакомо. Прямо передъ нами танцевальная зала. Это храмъ невинности, святилище, базаръ, гдѣ торгуютъ молодыми дѣвушками. Тамъ выставляютъ на показъ во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ смыслахъ произведенія этихъ дамъ. Тамъ согласны были бы и на законные браки. Тамъ будущее, надежда... нашихъ ночей. И всего любопытнѣе, пожалуй, въ этомъ музеѣ нравственныхъ болѣзней, эти дѣвочки, душа которыхъ такъ же развинчена, какъ члены у маленькихъ клоуновъ, родившихся отъ родителей-акробатовъ. Пойдемъ, взглянемъ на нихъ.